

УДК 94(470.6)»1920»

БАГДАСАРЯН Сусанна Джамилевна — к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского государственного университета (354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, Советская ул., 26а; bsd73@mail.ru)

АСОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА 1921–1922 гг. (на материалах Юга России)

Аннотация. В статье рассматриваются повседневные практики поведения крестьян и казаков в условиях голода 1921–1922 гг., когда голодающие по-разному приспосабливались к тяжелым жизненным обстоятельствам, в т.ч. преступая закон.

Ключевые слова: девиации, дефицит продуктов, древесная кора, людоедство, преступления, суицид, съедобные растения, табу, трупоедство

Голод 1921–1922 гг. в Советской России, охвативший целый ряд областей и губерний республики и унесший миллионы человеческих жизней, сопровождался девиациями и преступлениями, среди которых наиболее ужасающим и отвратительным является людоедство.

Посевная кампания весной 1921 г. прошла в целом успешно, но надежды разрушила сильнейшая засуха; только в Кубано-Черноморской области она охватила обширную площадь — 1 млн 300 тыс. десятин¹. Помимо недорода, развитие аграрного производства сдерживали налоги: представители руководства Донской области отмечали, что «продналог вместе с недородом подорвали крестьянское хозяйство»². Власти предержавшие в ходе осуществления глобальных социальных реформ о людях «думали едва ли не в последнюю очередь, считая это занятие равносильным стремлению заслонить солнце решетом» [Скорик 2001: 80–81]. Большевики даже придумали для голода постыдный эвфемизм — «продовольственные затруднения» [Скорик 2009: 93].

В результате обозначенных причин в 1921 г. разразился первый в советскую эпоху масштабный голод. По имеющимся данным, только на юго-востоке России голодали не менее 1,5 млн чел. [Чернопицкий 1987: 54]. Пик бедствия пришелся на зиму 1921 г. — весну 1922 г. В информационном отчете Донецкого окружного комитета РКП(б) за май 1922 г. отмечалось, что «в некоторых волостях голод достиг наивысшего напряжения»³. В Донской области к началу мая 1922 г. число голодающих достигало 85% населения⁴. Наиболее тяжелая ситуация сложилась на Ставрополье, где посеы почти полностью погибли от засухи. К середине января 1922 г. в Ставропольской губернии насчитывалось около 500 тыс. голодающих⁵. Из-за голода на местах, в частности в юрте станицы Старочеркасской, закрывались школы, практически угасла вся культурная жизнь, закрывались школы [Багдасарян, Скорик 2012: 112–113].

У российского крестьянства имелся богатый арсенал стратегий выживания в условиях голода, поскольку дефицит продуктов питания представлял собой

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГА КК). Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

³ ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 21.

⁴ *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: документы и материалы.* В 4 т. 1918–1939. Т. 1. 1918–1922 (отв. ред. А. Берелович, В. Данилов). М.: РОССПЭН. 2000. С. 614.

⁵ Там же. С. 559.

обычное явление в российской деревне. Крестьяне растягивали небольшой запас хлеба, собранный по итогам неурожайного года, при этом всячески стараясь сохранить хотя бы минимум зерна на посев будущей весной. Если из-за засухи не удавалось обеспечить скотину фуражом, то владельцы пускали часть поголовья на мясо. Вот когда крестьяне могли поесть мяса вволю, хотя особой радости они от этого не испытывали. Если же в хозяйстве удавалось создать хотя бы минимальный запас сена и соломы (о более сытных кормах, таких как овес, ячмень и пр., в условиях недорода речь не шла), то крестьяне и казаки старались сохранить корову до последнего. Как вспоминал житель кубанской станицы Новошербиновской Николай Каламбет, его отец осенью 1921 г. обменял всех имевшихся в хозяйстве лошадей на коров, обеспечивавших семью молоком, хотя это обещало серьезные проблемы во время будущей пахоты и сева [Каламбет 2007: 80].

Преобладающую, а в худшем случае — единственную часть продовольственного обеспечения населения голодающих регионов составляли дары природы. Повезло тем казакам и крестьянам Юга России, которые жили у рек либо озер и могли ловить рыбу. Отчаявшееся население Нижнего Дона весной 1921 г. занималось хищническим ловом рыбы и, хотя эти действия противоречили традиции и закону, ибо во время нереста лов рыбы воспрещался, власти ничего не могли с этим поделать¹. В случае хороших уловов местное население практически не ощущало голода и могло даже с выгодой приторговывать продуктами своего промысла. А.И. Микоян вспоминал, как весной 1922 г., т.е. в самый разгар голода, М.И. Калинин посетил расположенную неподалеку от Ростова-на-Дону станицу Елизаветинскую. Местные казаки, встречая «всероссийского старосту», поднесли ему не хлеб-соль, а рыбью икру и пояснили удивленному гостю: «Чем промышляем, тем позвольте и приветствовать!» [Микоян 1975: 317]. Помимо рыбы, водоемы снабжали оголодавших людей всякой другой живностью, обитавшей в них, — улитками, ракушками и т.д.

Сельские жители знали огромное число дикорастущих съедобных растений и кореньев, употребление которых в пищу считалось обыденным делом, во всяком случае для сельской детворы. На Юге России «в голодные годы в пищу употреблялись: лебеда, молочай, козельцы, калачики, белена, катран, сурепка, латук, резак, шалфей, пастушья сумка, подземные части крокуса, тюльпанов, рогоза, арония, корни лопуха. В качестве заменителя муки использовали буковые орешки, которые перемалывали пополам с кукурузой, использовали и желуди» [Семенцов 2007: 147]. В пищу шла даже древесная кора, для чего ее предварительно размалывали до консистенции, напоминающей муку. Затем из этой муки пытались печь лепешки, а если имелась в наличии настоящая мука, то ее смешивали с древесной (в наши дни такой состав считается лечебным, но все дело в пропорциях). В начале марта 1922 г. партработники Шахтинского уезда Донской области констатировали: «Голод ужасный, кора съедена вокруг многих хуторов...»² Старожилы донской станицы Мелиховской вспоминали, как во время голода 1921–1922 гг. многие станичники, «стремясь выжить, ...размалывали кору деревьев», толкли в ступах полову, сухую траву, главным образом «перекатиху» (перекати-поле), ели мытые и просушенные корневища камыша и чакана (рогоза), пекли суррогатные лепешки [Шевченко 2005: 31].

В надежде утолить голод люди ели все, что можно было съесть. Как констатировали современники в 1922 г., соседи «воруют друг у друга собак и кошек и

¹ Там же. С. 412.

² ЦДНИ РО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 9. Л. 12(об).

едят»,¹ ловят крыс,² «кошки, собаки и падаль считаются лучшим лакомством» [Шадрина, Табунщикова 2013: 185]. Исчерпав все запасы и возможности, крестьяне нередко сознательно шли на самоубийство, обрекая на смерть и членов семьи. Встречаются упоминания о «случаях самоубийства целых семейств посредством угара»³.

Последним способом выживания в голодающих регионах становилось людоедство. К этому табуированному, асоциальному способу выживания прибегнуть решались далеко не все жители села, даже находившиеся в отчаянном положении, на грани голодной смерти. Канныбализм заслуживает осуждения, но здесь существует разная степень вины. На основании источников можно выделить две формы людоедства во время голодовок, в т.ч. и в 1921–1922 гг., различавшиеся по тяжести содеянного: 1) трупоедство, т.е. поедание частей тел умерших людей (умирали они в это время, как правило, от голода или обострившихся в связи с голодом болезней) и 2) убийство тех или иных лиц с целью их съедения.

Зимой 1921–1922 гг., когда «голод дошел до ужасных размеров», крестьяне стали употреблять «в пищу трупы мертвецов, вырывая их из могил»⁴. В частности, старожилы станицы Мелиховской утверждали, что в данный период здесь «имели место и случаи трупоедства» [Шевченко 2005: 31]. Нередко до погребения мертвых дело не доходило: в голодавших селах и станицах Юга России, где сложилось наиболее тяжелое положение и умерших от голода и болезней людей некому было хоронить, обезумевшие от недоедания селяне поедали непогребенные трупы соседей.

Полагаем, трупоедство являлось менее тяжким преступлением, чем убийство с целью поедания себе подобного. Но, судя по частоте упоминаний в источниках, людоедство получило более широкое распространение, чем трупоедство. Отнюдь не единичные свидетельства о людоедстве на Юге России содержатся в документах начала 1920-х гг. Так, в феврале 1922 г. на общегородском собрании женщин Новочеркасска было «указано на ряд кошмарных случаев людоедства» [Шадрина, Табунщикова 2013: 150]. В марте 1922 г. члены Донского комитета компартии отмечали, что жители станицы Ермаковской Морозовского округа дошли до людоедства, и в то же самое время сотрудники Донисполкома констатировали случаи людоедства в селах и станицах⁵, а Донецкий окружком РКП(б) подчеркивал: «В деревне в связи с голодом замечены случаи людоедства и трупоедства»⁶. В апреле 1922 г. Верхне-Донской окружком компартии подтверждал случаи людоедства в станицах Вешенской и Мигулинской [Шадрина, Табунщикова 2013: 185].

Жуткие подробности людоедства содержатся и в прессе. Так, в одной из публикаций газеты «Советский Юг», распространявшейся на Дону, Кубани, Ставрополье, Тереке и в национальных регионах Северного Кавказа, повествуется о некоей Евфросинье Сероштанниковой и ее сожителе, съевших 9 человек. Первой жертвой Сероштанниковой стали две ее родные сестры, дети соседок Поповой и Лепехиной: по трое детей каждой из них. Тут же заметим, что детоубийство практиковалось многими людоедами, ибо заманить ребенка в дом и справиться с ним значительно проще, чем с взрослым человеком. Особый трагизм данной ситуации заключался в том, что соседки сами просили Сероштанникову

¹ ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

² ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 21.

³ *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: документы и материалы. В 4 т. 1918–1939. Т. 1. 1918–1922* (отв. ред. А. Берелович, В. Данилов). М.: РОССПЭН. 2000. С. 568.

⁴ Там же. С. 562.

⁵ ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 64–65.

⁶ ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 17а.

устроить своих ребятишек в детский приют, куда она сумела поместить собственных детей.

Об истинных масштабах каннибализма в советской деревне в 1921–1922 гг., в т.ч. в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополя, судить затруднительно. В документах не приводится соответствующая статистика, а лишь отмечается не единичность таких случаев. Например, в начале марта 1922 г. в Первом Донском округе были «зарегистрированы несколько случаев людоедства и трупоедства»¹. В ряде документов содержатся утверждения, что кое-где людоедство «принимает массовые формы»². Вопреки подобным заявлениям, как мы полагаем после изучения комплекса источников, широкого распространения эта девиация и способ выживания в условиях голода не получила. Очевидно, ощущение массовости было обманчивым, порожденным шокирующим влиянием людоедства на современников, и они, ужасаясь таким деяниям, испытывали склонность несколько случаев воспринимать как множественность. Это подтверждают и источники. В частности, по сообщению сотрудников органов госбезопасности, к началу мая 1922 г. в Донской области зарегистрированы всего 3 случая людоедства и, для сравнения, 1 043 случая голодной смерти³. Большинство крестьян и казаков Юга России, страдая и умирая от голода, не поддавались животным инстинктам и не нарушали древнее табу на поедание человеческой плоти.

Подчеркнем, что в большинстве случаев трупоедство, и особенно людоедство, не оставались без наказания. Сообщения представителей партийно-советского руководства и сотрудников органов госбезопасности о случаях каннибализма нередко заканчиваются констатацией, что «людоеды изолируются»⁴, т.е. подвергаются аресту. Бежавшие и пытавшиеся скрыться от правосудия людоеды порой попадали на скамью подсудимых через несколько лет после окончания голода 1921–1922 гг. Так случилось с уже упоминавшейся Сероштанниковой. Публикация о суде над ней содержится в номере «Советского Юга» за июль 1925 г. Одна из несчастных матерей приехала в детский приют, куда, по уверениям Сероштанниковой, та устроила ее детей. В приюте, однако, о детях ничего не знали, и испуганная мать, вместе с соседями призвавшая Сероштанникову к ответу, нашла у нее в доме вещи своих малышей. После этого Сероштанникову арестовали, а вот ее сожитель Солодун скрылся. «Гуманный советский суд» приговорил Сероштанникову к 10 годам лишения свободы, причем защитник просил не выносить ей сурового наказания ввиду голода и невежества, и она сама заявляла: «Милости суда прошу».

Итак, каннибализм являлся последним средством для населения советской, в частности южно-российской, деревни спастись от голодной смерти в 1921–1922 гг. Отчаявшиеся жители села по большей мере искали иные способы утолить голод — с помощью экономии продуктов, использования даров природы и т.д. В крайнем случае они отваживались на суицид. Масштабы каннибализма оставались весьма скромными, вопреки общественному мнению, склонному преувеличивать число подобных случаев. Несмотря на страдания от голода и угрозу близкой смерти от него, подавляющее большинство крестьян и казаков Дона, Кубани и Ставрополя находили в себе силы оставаться людьми и отказывались спасать себя и своих близких путем использования такого табуированного, асоциального средства, как людоедство.

¹ *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: документы и материалы.* В 4 т. 1918–1939. Т. 1. 1918–1922 (отв. ред. А. Берелович, В. Данилов). М.: РОССПЭН. 2000. С. 592.

² Там же. С. 562.

³ Там же. С. 614.

⁴ Там же. С. 562.

Список литературы

Багдасарян С.Д., Скорик А.П. 2012. *Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и повседневность в южно-российской деревне в 1920-е годы*. Новочеркасск: Лик. 239 с.

Каламбет Н. 2007. Об отце и его семье. — *О прошлом и настоящем*: альманах. Вып. 1. Ст. Новошербиновская.

Микоян А.И. 1975. *В начале двадцатых...* М.: Политиздат. 384 с.

Семенцов М.В. 2007. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX — начале XX вв. — *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Дикаревские чтения (13)*. Материалы Северо-Кавказской научной конференции (науч. ред., сост. М.В. Семенцов). Краснодар.

Скорик А.П. 2001. *Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе*: дис. ... д.филол.н. Ростов н/Д. 361 с.

Скорик А.П. 2009. *Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований*: дис. ... д.и.н. Ставрополь. 540 с.

Чернопицкий П.Г. 1987. *Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг.* Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 230 с.

Шадрина А.В., Табунщикова Л.В. 2013. *Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год*: сборник документов (отв. ред. А.В. Венков, науч. ред. Н.В. Киселева). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 418 с.

Шевченко В. 2005. *Станица сердцу дорогая*. Историко-краеведческое повествование в 2-х ч. Ч. 2. Ростов н/Д: Приазовский Край.

BAGDASARYAN Susanna Dzhamilovna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Sochi State University (26a Sovetskaya St, Sochi, Krasnodarsky region, Russia, 354000; bsd73@mail.ru)

ANTISOCIAL SURVIVAL STRATEGIES IN THE PERIOD OF HUNGER IN 1921–1922 (on the materials of the South of Russia)

Abstract. The article deals with the everyday practice of the behavior of peasants and Cossacks in conditions of the famine of 1921–1922 when starving people in different ways adapted to difficult circumstances, including the law violating.

Keywords: deviation, lack of food, bark, cannibalism, crime, suicide, edible plants, taboo, necrophagy
